

Ш. Сент-Бёв

Литературные портреты
Критические очерки

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Ш11

- Ш11 **Ш. Сент-Бёв**
Литературные портреты: Критические очерки / Ш. Сент-Бёв – М.: Книга по Требованию, 2014. – 583 с.

ISBN 978-5-458-24222-6

Ш.Сент-Бев. Литературные портреты. Критические очерки. Памятники мировой эстетической и критической мысли. Сборник составили литературные портреты и критические очерки. Предваряет издание творческо-биографическая статья М. Трескунова «Сент-Бев». Человек выдающегося ума и огромных знаний, Сент-Бев свободно мог рассуждать о философских принципах Кузена и Жорфуа, об исторических трудах Балланша и Гизо, об учении Сен-Симона. Сент-Бев всегда находился в центре умственного движения своей эпохи и был влиятельным публицистом, к мнению которого прислушивались весьма видные литераторы.

ISBN 978-5-458-24222-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЕНТ-БЁВ

I

Шарль-Огюстен Сент-Бёв родился 23 декабря 1804 года в приморском городе Булони. Он был единственным сыном в семье инспектора налогового ведомства, по политическим убеждениям близкого к умеренно-буржуазной партии жирондистов. Франсуа Сент-Бёв умер незадолго до рождения сына, но Шарль утверждал, что от отца воспринял его дух, разум и вкус. В домашней библиотеке Франсуа Сент-Бёва, где были сочинения Вольтера и Грессе, Лукреция и Горация, Вергилия и Гомера, Шарль обнаружил немало книг, испещренных пометами отца, знавшего и ценившего литературу. Эти книги попали в руки юноши и возбудили в нем любовь к пылливому чтению.

До четырнадцати лет Шарль жил в Булони, окруженный заботами матери; она определила его в светский пансион Блерио, где обучали латыни и гуманитарным наукам. Окончив булоньскую школу в 1818 году, Сент-Бёв отправился в Париж продолжать занятия в пансионе Ландри; там обнаружились его исключительные способности филолога.

Юношеские годы, проведенные в Париже, были трудными и тоскливыми. Хотя пансион Ландри славился либеральным духом, Шарлю запретили читать даже книги аббата Рейналя, того самого Рейналя, чьи сочинения столь высоко ценил Александр Радищев. Но все же круг чтения юноши был обширен: наряду с Шатобрианом и Ламартином, Сент-Бёв читал трагедии Сенеки и Расина, стихи Парни, Шенье, Юнга, сочинения Руссо, Вольтера, де Сталь.

В 1821 году пансион Ландри был переименован в коллеж Бурбона, и Сент-Бёв изучал здесь языки — греческий и латинский, фи-

лософию и риторику. В том же году на всеобщем конкурсе коллежа он получил первую премию за поэму «Петр Великий посещает Сорбонну», написанную на латинском языке.

Курс философии в коллеже читал Дамирон, книга которого «История французской философии» оказалась для Сент-Бёва полезной при изучении философской мысли Франции. Дамирон говорил своим ученикам, что нельзя составить представление о философах без изучения всей их жизни, их воспитания, их занятий, всех обстоятельств, которые сформировали их взгляды; прежде чем постигнуть мысль философа, нужно проникнуть в его психологию, в его внутренний мир. Эти методологические принципы импонировали будущему литератору. Разрыв учителя с религией сказался и на убеждениях ученика. «Изучая философию под руководством Дамирона, я перестал верить в существование бога». В духе подобного же убеждения выдержана его диссертация «О бессмертии души». Тема эта, очевидно, была обязательной в коллежах Парижа. Альфред де Мюссе, завершая свое образование, также написал трактат «О бессмертии души», не понравившийся ректору университета, архиепископу Фрейсину.

Существенное воздействие на молодого студента оказывают курсы лекций по естествознанию, физиологии, химии, литературе, философии, которые он прослушал в «Атенее». «Атеней», основанный еще до революции 1789 года на правах лицея, продолжал существовать и при Реставрации, унаследовав просветительские идеи XVIII столетия. Крупные ученые и писатели, такие, как Лавуазье, Ламарк, Кювье, Б. Констан, Редерер, Дону, в разное время участвовали в занятиях «Атеней». Каждый вечер «Атеней», ставший пространством научных знаний, собирал обширную аудиторию слушателей. Здесь Сент-Бёв познакомился с Дестютом-де-Траси, главой философской школы «идеологов», приверженцем которой себя считал критик. В его дневнике имеется запись: «Необходимы две дисциплины для совершенного образования: знание принципов идеологии и математики. Математические принципы являются законами практической логики. Если их изучать в отрыве от идеологии, то невольно воспримешь манеру рассуждать слишком геометрически; изучение идеологии без вычисления весьма обеднит ее. Бонапарт превосходно понимал значение идеологии, и он стремился умалить ее значение, называя идеологами тех людей, которые, наперекор его воле, утверждали здоровые принципы политики; это оскорбление тирана воздает исключительную почесть той науке, которая просвещает людей».

Немаловажное значение для Сент-Бёва имела встреча с известным историком Дону. В период Реставрации Дону читал курс исто-

рии во Французском коллеже; представляя либеральную оппозицию, он был членом палаты депутатов, опубликовал в 1819 году солидный труд «Опыт об индивидуальных гарантиях, которых требует современное состояние общества». Дону, хотя и считал себя наследником энциклопедистов, в области литературы придерживался поэтики классицизма, романтиков не признавал, высшим авторитетом для него являлись Буало и Лагарп.

По окончании занятий в коллеже Сент-Бёв некоторое время колеблется в выборе будущей профессии. Деятельность адвоката кажется ему теперь бесполезной, хотя совсем недавно привлекала его, и вот, по совету матери, он стал изучать медицину. Посвятив медицинскому образованию более четырех лет, Сент-Бёв его не завершил, так как нашел свое призвание в литературном труде.

II

Ранний период журнальной деятельности Сент-Бёва связан с литературной газетой «Глоб» — органом группы так называемых доктринеров, придерживавшихся принципов буржуазного либерализма. Они считали конституционную Хартию незыблемым законом монархического государства, якобы обеспечивающим полную свободу французской нации.

Газета «Глоб» признавала положительное значение французской революции XVIII века для утверждения парламентской формы правления, для оздоровления нравов общества, развития литературы и искусства.

Впервые «Глоб» вышел в Париже 15 сентября 1824 года.

В программной статье один из основателей газеты Дюбуа определил направление нового органа французской прессы: «Достаточно двух слов: свобода и уважение к национальному вкусу. Мы не будем одобрять деятельности школы германской и английской ориентации, которая доходит до того, что угрожает языку Расина и Вольтера; но мы также не отступим от своих принципов под натиском проклятий академиков устаревшей школы, которая противопоставляет смелости новаторов лишь угасшее восхищение, непрестанно взывая к величию прошлого, чтобы скрыть ничтожество настоящего, школы, которая ограничивается лишь поверхностным наблюдением того, что свершили великие писатели минувших эпох, забывая о том, что великими они называются именно потому, что были подлинными творцами» («Глоб», 15 сентября 1824 г.).

В первом же номере под рубрикой «Россия» в нем сообщалось о том, что Александр Пушкин опубликовал романтическую поэму «Бахчисарайский фонтан», а Карамзин готовит к печати очередные тома «Истории государства Российского».

Важное место Дюбуа отводил литературной критике, которая в начале 20-х годов влачила жалкое существование, так как литературно-общественные журналы того времени не заботились об объективности и справедливости эстетических суждений и, поддерживая дух коммерции, защищали интересы отдельных авторов и издателей.

Стендаль в трактате «Расин и Шекспир» привел массу фактов, доказывавших, что влиятельная критика очень часто превращалась в форму рекламы авторов и издателей, носила меркантильный характер.

На страницах «Глоба», в противовес господствовавшим нравам, печатались содержательные и нелицеприятные отзывы о сочинениях известных поэтов и писателей, историков и философов. Кроме того, чтобы оценить историческое значение литературно-критической деятельности «Глоба», нужно вспомнить, что в XVII и XVIII веках критика носила почти всегда нормативный характер. В соответствии с этим анализ литературного произведения превращался в разбор того, насколько оно соответствует (или противоречит) «вечным» законам искусства, которые считались обязательными равно для всех писателей различных стран и эпох, или утвердившимся законам «хорошего вкуса». Этим «вечным» законам романтики противопоставили представление об их исторической изменчивости в ходе развития человеческой культуры, об их зависимости от своеобразия национальной почвы, от условий места и времени.

Так, в книге «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800) де Сталь проявляет большой интерес к бесконечному разнообразию характеров и талантов и тем самым направляет исследовательскую мысль по пути изучения психологии писателей. Балланш в известном труде «О чувстве, рассматриваемом в его связях с литературой и искусством» (1802), а также Барант в «Очерке французской литературы XVIII века» (1807) изучали художественные произведения в соотношении с реальными обстоятельствами жизни; их точку зрения разделял и Шатобриан, предпочитавший критике грамматической критику философскую и нравственно-историческую. Предшествовавший опыт не отменяет новаторского характера той критики, которая развивалась в 20-х годах в русле романтизма наряду с другими жанрами романтической литературы. Виктор Гюго в предисловии к «Кромвелю»,

приветствуя ростки молодой критики, определил пути будущего развития французской эстетической мысли: «Близок час, когда новая критика, опирающаяся на широкую, прочную и глубокую основу, восторжествует. Скоро все поймут, что писателей нужно судить не с точки зрения правил и жанров, которые находятся вне природы и вне искусства, но согласно непреложным законам этого искусства и особым законам, связанным с личностью каждого из них»¹.

«Глоб» популяризировал принципы психологической и исторической критики и, что особенно существенно, — уделял большое внимание творческой индивидуальности писателя. Этой важной проблеме посвятил одну из своих статей постоянный автор газеты Жоффруа, в связи с публикацией сочинений В. Скотта: «Нам представляется, что прежде всего критик должен изучить характер таланта В. Скотта. Эта отправная точка послужит основой для нашей критики вообще. Мы попытаемся указать на те благоприятные обстоятельства, которые способствовали развитию таланта писателя, затем определим связь эстетического вкуса XIX века с характером таланта писателя» («Глоб», 13 января 1827 г.).

В середине 20-х годов в ответ на крайне реакционную политику правительства Реставрации на страницах «Глоба» появляются статьи, где звучат насмешки над лстецами короля, резко осуждаются ультрароялисты. Вместе с тем «Глоб» бичует иезуитов и французское духовенство в целом. В статье «Как умирают догмы» (24 мая 1825 г.) Жоффруа утверждал, что католицизм в основе своей разрушен просветителями, но партия иезуитов, к сожалению, еще не погибла; лицемерие стало ее орудием, она сеет суеверия и фанатизм, ненавидит свободомыслящих, добивается установления строгой цензуры.

В ранний период журнальной деятельности Сент-Бёв был увлечен политической и социальной программой доктринеров и так же, как они, чтил буржуазную революцию XVIII века, утвердившую во Франции парламентскую форму правления. Сент-Бёв опубликовал в «Глобе» несколько очерков о революционной борьбе греческого народа против тирании турецкого султана Махмуда, превратившего цветущую Грецию в страну кровавых оргий. В скупых строках хроники он выражал явное сочувствие грекам: «Во время всеобщего восстания 1821 года Хиос вначале оставался бездейственным, как бы предчувствуя будущее несчастье. Прибытие в марте 1822 года двух

¹ Виктор Гюго, Собрание сочинений в пятнадцати томах, т. 1, М. 1953, стр. 128.

тысяч самосцев придало ему смелость решиться на все. Наконец он вооружился. Месяц спустя город Хиос был превращен в руины, окрестные селения сожжены, пять тысяч жителей уничтожены, были потоплены грудные дети, и теперь опустошенный Хиос, расположенный между Грецией и Азией, безмолвствует, олицетворяя вечную разобщенность, но вместе с тем являясь символом неутомимой борьбы за свободу» («Глоб», 15 октября 1824 г.). Более откровенно Сент-Бёв развивает свои мысли в статье, посвященной книге А. Беллок (Луизы Свантон) «Бонапарт и греки» («Глоб», 15 июня 1826 г.). Греческое восстание он рассматривает здесь как одно из крупнейших исторических событий и выражает уверенность, что греки, невзирая на козни иностранных держав, завоюют свободу собственными силами.

В эти годы Сент-Бёв напечатал в «Глобе» первые литературные рецензии — о «Незнакомке» д'Арленкура, о «Записках г-жи Жанлис», «Мемуарах» г-жи Госсэ и др.

Роман д'Арленкура рецензент охарактеризовал резко отрицательно («Глоб», 15 января 1825 г.). Вслед за Сент-Бёвом аналогичное мнение выразил и Стендаль, отметивший «маленький, очень маленький талант» д'Арленкура, сумевшего, однако, подкупить французских критиков, которые сравнивали его бездарные сочинения («Отшельник», «Ренегат», «Ипсибоз») с «Персидскими письмами» Монтескье, «Характерами» Лабрюйера, романами Вальтера Скотта.

В рецензии на «Записки г-жи Жанлис» (2—5 апреля, 21 мая 1825 г.) Сент-Бёв с иронией говорит о ее неприязни к Вольтеру, Гельвецию, Руссо, обвиняет в пристрастном отношении к Бернардену де Сен-Пьеру, который по поручению Робеспьера занимался делами народного просвещения¹.

В 20-х годах среди французских писателей велись жестокие споры литературно-эстетического и политического характера. Критики «Глоба» почитают истинных классиков и осуждают тех, кто подражал писателям XVII века. На страницах литературной газеты доктринеров публикуются восторженные статьи о Корнеле, Мольере, Реньере.

¹ В 1825 г. о «Записках г-жи Жанлис» отзывался П. А. Вяземский: «Предпочтительно знаменитые писатели так называемого философического века подвергаются укоризнам, проклятиям и насмешкам ее: она преследует их всеми оружиями и на всех поприщах». В отличие от Жанлис, Вяземский придавал большое значение деятельности просветителей и исключительно высоко ценил их философские сочинения. См. Полное собрание сочинений П. А. Вяземского, т. I, СПб. 1878, стр. 206.

«Глоб» не стал органом сообщества поэтов-романтиков, но в лице сотрудников этой газеты молодые романтики обрели единомышленников. Отвергая притязания неоклассицистов на руководство литературным движением, «Глоб» отрицал их устаревшие и бесплодные догмы и поощрял творчество молодых поэтов, драматургов, прозаиков, оказывал поддержку романтическому движению. Как писал один из ведущих критиков «Глоб» Дювержье де Оранн, газета была уверена, что романтики восторжествуют, преодолев все препятствия, ибо в них сосредоточена жизнь, пылкая энергия, устремленность в будущее («Глоб», 24 марта 1825 г.).

Критики «Глоба» рассматривали романтизм как искусство, в котором воплощены идеалы современности; они соглашались с определением сути романтизма, какое ему давал Стендаль: «Вот что говорит романтическая теория: каждый народ должен иметь особую, соответствующую его собственному характеру литературу»¹.

III

Сент-Бёв, преисполненный уважения к классикам, на страницах «Глоб» отдавал дань смелости, чистоте языка «великого литературного века», называл Расина гением, обнаруживал большой талант в поэзии Буало и Лафонтена.

Однако подлинное новаторство Сент-Бёва начинается с того момента, когда в орбите его внимания оказалось творчество Гюго — главы французских романтиков.

На первых порах «Глоб» не признавал Виктора Гюго. В 1826 году, когда Гюго напечатал сборник «Од и баллад», посвященных рыцарскому средневековью, о нем заговорили как о крупном поэте. По совету Дюбуа, Сент-Бёв опубликовал статью об этом сборнике, которую можно посчитать образцом критики исторической и аналитической; в ней очерчена среда, в которой воспитывался молодой поэт, школа «Французской музыки», влияние «Гения христианства» на молодое поколение, объяснена возникшая мода на средние века, охарактеризованы события революции и Империи. Воссоздав атмосферу литературно-общественной жизни, критик обращается к разбору од и баллад. По мнению рецензента, поэзия Гюго не лишена недостатков: громоздкость описаний, неистовость страстей, неестественность чувств — все это портит великолепные стихи: «В поэзии, как и в других сферах искусства, ничто так не опасно, как

¹ Стендаль, Собрание сочинений, т. IX, Гослитиздат, Л. 1938, стр. 125—126.

сила; если ей предоставить свободу действий, она злоупотребляет всем; благодаря ей оригинальность и новаторство становятся причудливыми; яркий контраст превращается в жеманную анти-тезу; автор стремится быть грациозным и простодушным, а доходит до приторности и неестественности; он ищет героическое, но обнаруживает только лишь гигантское». Статья Сент-Бёва была опубликована в «Глобе» 2 и 9 января 1827 года.

Гюго с удовлетворением воспринял отзыв молодого критика; вскоре он познакомился с Сент-Бёвом, и продолжавшаяся в течение нескольких лет личная дружба благотворно сказалась в творческой жизни обоих писателей.

Гюго, Виньи, Мюссе, Нодье, Мериме, а также Сент-Бёв, известный в то время и как поэт-романтик, приносят в современную им литературу богатство поэтических форм, легендарные и реально-исторические мотивы, раскрывают в стихах и новеллах личные страсти и неистовые порывы. В 1827 году они собираются в салоне Гюго, с волнением читают на вечерах свои драмы и поэмы, спорят, вырабатывают свои представления о романтизме как искусстве, исполненном героических страстей, гражданской смелости, душевного благородства.

В те же годы появляются манифесты, предисловия, литературные этюды, призванные утвердить романтическое искусство, привлечь на его сторону новых приверженцев и творцов. Вслед за известным предисловием к «Кромвелю» Гюго появляется предисловие к поэтическому сборнику Э. Дешана «Французские и иностранные этюды» (1827) и программная работа Сент-Бёва «Исторический и критический обзор французской поэзии и театра XVI века» (1828). Несколько позже, в 1829 году, Виньи излагает свое поэтическое кредо в предисловии к «Венецианскому мавру» (перевод «Отелло» Шекспира).

В июле 1828 года Сент-Бёв опубликовал статью, посвященную исторической драме Александра Дювала «Карл II, или Лабиринт Вудстока». Соглашаясь со Стендалем, он назвал этого драматурга «заурядным неоклассиком» и охарактеризовал его как убежденного противника нового романтического театра. Утверждая реформу драматического искусства, Сент-Бёв предлагал отменить правительственные законы, вследствие которых задерживалось развитие театральной культуры Франции. Критик имел в виду государственную цензуру, препятствующую появлению новых пьес, порывающих с традицией официально признанной классической школы.

Будущую судьбу французского театра, по мнению критика, должна будет определить публика и сами писатели-романтики во

главе с Гюго, которые создадут новую драму, резко отличную от драмы эпигонов классицизма.

В книге «Исторический и критический обзор французской поэзии и театра XVI века» Сент-Бёв стремился обосновать правомерность литературного новаторства романтиков.

Воспринимая романтизм как литературную программу, базирующуюся на обновлении поэтических форм, новшествах грамматического строя и языка, Сент-Бёв проводит параллель между тем, что совершили Ронсар и «Плеяда» в XVI веке, и тем, что намерены были осуществить в литературной сфере Гюго и его приверженцы. Ронсар был реформатором французского языка и стиха, открывшим обширные возможности для развития национальной поэзии. Проявляя интерес к Ронсару и другим поэтам «Плеяды», романтики тем самым вводят в обиход поэтические образцы XVI века, вытесненные авторитетом Буало, и это само по себе имело большое значение для Гюго, Мюссе, Сент-Бёва и Виньи, применявших в своей практике поэтические формы кружка Ронсара (аллитерация, эховидная рифма, строфа с переносами).

В «Историческом обзоре» Сент-Бёв сочетает исследование литературных явлений с тонким критическим анализом; автор пришел к выводу, что к началу XVI века древняя галльская литература находилась в состоянии упадка; затем возникла новая, монархическая поэзия, зачинателем которой явился Малерб. На смену Малербу пришла школа Ронсара.

Классифицируя явления литературы XVI века, насыщая свой труд многочисленными фактами, Сент-Бёв стремился установить сходство мотивов поэзии XVI и XIX веков. Так, изображение пробуждающейся природы в поэме Белло «Апрель» повторяется, по его мнению, в более усложненной форме в лирике Гюго.

Впоследствии Брюнетьер воспользовался этой мыслью и показал в своем труде — «Эволюция лирической поэзии во Франции» непрерывное существование жанра (элегии, сонета, мадригала), который на протяжении длительного периода времени видоизменяется, но не исчезает бесследно.

Придавая громадное значение Ронсару и его поэтической форме, Сент-Бёв отмечал, что многое Ронсару не удалось осуществить, в частности, создать новый вид строфики. Этот труд выпал впоследствии на долю романтика Гюго; он ввел новую форму строфы, «он был и является мастером гармонии и архитектором поэзии».

Обновление стихотворного языка, совершенное поэтами романтической школы, опиралось, как убедительно показал Сент-Бёв, на национальную традицию. Он точно установил, что ритмически разно-

образный александринский стих с полной рифмой и вольным переходом из одной строки в другую — это стих Ронсара и поэтов «Плеяды», им пользовался в своих комедиях Мольер, затем эта форма версификации была возрождена Шенье, ее же восприняли, значительно усложнив, поэты-романтики, в частности, Гюго в «Кромвеле», Дешан и Виньи в своих переводах «Ромео и Джульетты».

В августе 1829 года была опубликована статья «Матюрен Ренье и Андре Шенье»¹. Сближая этих двух поэтов разных эпох, Сент-Бёв вновь обнаруживал национальные истоки романтизма, определял те мотивы прошлого, которые могли оказать плодотворное воздействие на его современников.

Ренье представляется французскому критику стихотворцем, отличавшимся смелостью мысли, откровенностью речи, в поэтических картинах которого с беспощадной иронией были изображены «трактиры, кухни, зланные места». Ренье был непосредственно связан с XVI столетием — с Монтенем, Ронсаром, Рабле; Шенье же весь устремлен в будущее; он явился «старшим братом» романтиков XIX столетия.

Благодаря Ренье и Шенье, избежавших влияния надуманных правил, устанавливается единая линия развития литературных форм, связывающая поэтов «Плеяды» и романтиков XIX века.

Достоинство Ренье и Шенье Сент-Бёв видит в правдивом изображении нравов и характеров, бытовой обстановки, глубоком постижении жизни, в том, что их поэзия была свободна от религиозности и мистицизма.

В назидание романтикам Сент-Бёв говорил о Ренье как о поэте, который упорно отстаивал свои литературные убеждения. В Девятой сатире, направленной против ученых грамматиков, Ренье клеймил жалких «реформаторов», убогих «словоскребов». Земные черты были свойственны также и поэзии Андре Шенье, который «в области критики и дидактики был значительно выше Буало».

Занимаясь эстетикой, Сент-Бёв не только искренне увлекся поэзией, но и сам решил испытать в ней свои силы; он написал большой цикл стихов, составивших книгу «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» (1829). Этот лирический сборник в пору расцвета романтизма пользовался большим успехом, хотя автора обвиняли в безнравственности, в искажении здоровых инстинк-

¹ Статья была включена в новое издание «Исторического и критического обзора французской поэзии и театра XVI века» (1843).